

Четыре дня спустя, в понедельник, Шэнь Нянь перебрался в школьное общежитие. От помощи Шэнь Чуншаня он отказался, поэтому за ним на такси приехал Лян Цю — помог уложить вещи с постельным бельём в багажник. Шэнь Чуншань лишь проводил сына до дверей: он явно порывался что-то сказать, но так и не решился. Зато бабушка Цинь, узнав об отъезде мальчика, выбежала попрощаться и тайно засунула ему в рюкзак купюру в сотню юаней. Шэнь Нянь обнаружил её уже в школе.

Пожалуй, это было единственное тепло, которое оставил ему Тростниковый переулок.

Жизнь в общежитии оказалась куда свободнее и спокойнее, чем представлял себе Шэнь Нянь. Из-за того что заявление он подал поздно, в комнатах его параллели свободных мест не осталось, и его подселили к семиклассникам. Впрочем, мягкий характер Шэнь Няня позволял ему уживаться абсолютно с каждым — и в то же время оставаться особняком. Так что лично для него не было никакой разницы, с кем делить крышу.

Соседи, напротив, относились к нему со всем уважением: всё-таки старше на два класса, да ещё и круглый отличник, лучший на потоке. Ребята то и дело обращались к нему за помощью с домашним заданием, и Шэнь Нянь никогда не отказывал — терпеливо разжёвывал материал раз за разом.

— С твоим приходом у нас словно собственный репетитор появился, — шутили они.

Шэнь Нянь лишь мягко улыбался в ответ, предпочитая не распространяться.

Незаметно пролетели две недели. В один из выходных Шэнь Нянь вернулся в переулок, чтобы навестить бабушку Цинь, поблагодарить за доброту и пообедать с ней. По правде говоря, он надеялся застать и Шэнь Чуншаня. И пусть иллюзий он давно не питал, они всё же не стали чужими людьми: Чуншань годами растил его, чужого по крови ребёнка, и Шэнь Нянь не мог забыть эту благодарность.

Однако дома никого не оказалось — даже Гу Чжи ушёл. Сказать, что Шэнь Нянь расстроился, было нельзя. Скорее, ощутил облегчение, хоть и с примесью какой-то тяжести. Он и сам поражался собственной противоречивости.

Бабушка Цинь, будто прочитав его мысли, тепло улыбнулась:

— С самого утра уехали. Твоему отцу теперь двоих кормить надо, вот и мотается с доставками. А мальчишка с ним увязался.

Шэнь Нянь понимающе кивнул:

— Нелегко ему приходится.

— Сам такой путь выбрал, — без особых эмоций отозвалась бабушка Цинь. — Ты-то у нас рос — горя с тобой не знали. Вот пусть теперь помучается, сравнит с другим и поймёт, какое сокровище потерял.

Шэнь Нянь впервые слышал подобное мнение. Он лишь опустил голову и тихо усмехнулся.

Старушка погрозила ему пальцем:

— Ты не ухмыляйся! Бабушка жизнь прожила, толк в людях знает. Не пройдёт и пары месяцев, как твой отец локти кусать начнёт.

Шэнь Нянь поддакнул, но про себя подумал, что бабушка ошибается. Гу Чжи, конечно, был с приветом, но Шэнь Чуншань отчасти знал о его странностях. К тому же маленький извращенец не со всеми вёл себя неадекватно — к Чуншаню он относился искренне и с душой.

Шэнь Нянь своими глазами видел, как Гу Чжи подавал отцу чай, разминал затекшие плечи и постоянно веселил его байками. Разве мог такой ребёнок не нравиться? Он был куда живее и милее, чем сам Шэнь Нянь, молчаливый и замкнутый, словно запечатанная тыква-горлянка.

Окажись Шэнь Нянь на месте Чуншаня, выбирая между собой и Гу Чжи, он, пожалуй, тоже предпочёл бы Гу Чжи.

На улице с каждым днём становилось всё холоднее. Впрочем, Шэнь Нянь, съезжая из дома, сразу приготовился к долгому отсутствию и забрал все зимние вещи, так что лишний раз возвращаться необходимости не было. И всё же он никак не ожидал, что Шэнь Чуншань сам приедет к нему в школу.

В тот день Лян Цю звал его побросать мяч. Шэнь Нянь пытался отказаться: он уже играл с Лян Цю несколько раз, но быстро потерял всякий интерес. Разница в росте была не в его пользу, Лян Цю раз за разом разгромил его на площадке, отчего Шэнь Нянь ужасно досадовал. К тому же на дворе стоял собачий холод — куда приятнее было сидеть в классе в обнимку с батареей, чем терпеть однокалиберное избиение.

Но Лян Цю и слушать ничего не хотел. Он на ходу сдёрнул с себя пуховик и швырнул его Шэнь Няню:

— Не хочешь играть — посиди на скамейке, посмотри! Ты совсем заплесневел. Из нагрузки у тебя — только маршрут от общаги до кабинета. Так и сгнить недолго, пошли на воздух!

Шэнь Нянь всем видом демонстрировал протест. В других вещах Лян Цю легко уступал, но здесь был непреклонен: сгреб Шэнь Няня за загривок, сгреб в охапку и буквально на весу потащил из класса. Шэнь Нянь, не зная, смеяться или плакать, пытался вырваться, но силы были слишком не равны.

— Лян Цю! Ещё шаг — и я всё тётушке Су расскажу, когда увижу!

— Жалуйся-жалуйся! — хохотнул Лян Цю. — Она как раз ищет повод мне шею намылить. Ты ей только розгу в руки вложишь — она тебя за это вообще расцелует!

Оказавшись на улице, Шэнь Нянь смирился с судьбой и перестал сопротивляться. Он покорно поплёлся вниз по лестнице, до самых глаз утопив подбородок в чужом пуховике.

— Тебе не холодно? — глухо пробормотал он сквозь плотную ткань. — Забери куртку.

Лян Цю оглянулся на него — Шэнь Нянь выглядел точно нахохлившаяся перепёлка, из ворота торчали только блестящие глаза.

Лян Цю взъерошил ему челку:

— По твоим глазам не похоже, что ты реально хочешь её вернуть. Тепло? Вот и носи. Брат твой не замёрзнет.

Шэнь Нянь никогда не называл Лян Цю «братом», хотя тот буквально бредил этим: и упрашивал, и угрожал — всё без толку. В итоге Лян Цю оставалось лишь самовольно пользоваться положением старшего.

Возвращать куртку Шэнь Нянь и впрямь не собирался — у Лян Цю пылал жар молодым здоровьем, ему мороз был побоку. Но, будучи пойманным на смутной хитрости, Шэнь Нянь смущенно втянул голову в плечи и тихонько улыбнулся.

— И чем ты снова разгневал тётушку Су?

— Да ничем особо, — тяжело вздохнул Лян Цю. — Скажи, моей маме делать совсем нечего? Готовить вообще не умеет, а целыми днями рецепты мусолит. Ей-богу, свиной и то вкуснее кормят! Я ляпнул это вслух — и всё, попал в немилость.

Представив эту картину, Шэнь Нянь прыснул:

— А дядя Лян?

— Хех, — фыркнул Лян Цю. — Отец у меня — верный адепт маминой стряпни. Ему хоть настоящие помои в тарелку налей, он всё сожрёт да ещё и нахваливать будет: «Ах, как вкусно!»

— Тогда понятно, за что тебе досталось, — ухмыльнулся Шэнь Нянь. — В выходные обязательно нанесу визит тётушке Су и подкину ей парочку идей.

Прекрасно зная, какая реакция последует, Шэнь Нянь тут же перескочил через две ступеньки вниз.

Лян Цю, как и ожидалось, издал возмущенный звук:

— Пользуешься тем, что я тебя не ударю? Ну всё, сегодня ты у меня пока не выкрикнешь «брат», с площадки не уйдёшь!

Длинноногий Лян Цю в свободном спортивном костюме преодолел пролёт в пару прыжков и перегородил путь у самого выхода из корпуса. Поймав Шэнь Няня в капкан крепких объятий, он прижал его к себе:

— Скажешь «брат»? Ну? Скажешь или нет?

Шэнь Нянь оказался сжат так крепко, что едва мог дышать. Поняв, что силой не справиться, он выбросил вверх руки, сдаваясь:

— Скажу, скажу! Только отпусти!

Лян Цю верил Шэнь Няню как себе, а потому сразу разомкнул хватку. Шэнь Нянь всё так же прятал лицо в воротнике, лишь уголки глаз у него слегка покраснели — то ли от нехватки воздуха, то ли от смеха. Выглядел он ужасно трогательно, но Лян Цю не поддался:

— Давай, кайся. Назовёшь братом — освобожу от баскетбола.

— Правда? — Глаза Шэнь Няня мгновенно вспыхнули. Было видно, до чего сильно ему не хотелось идти на площадку.

Лян Цю рассмеялся:

— Правда-правда. Вместо этого побегаем.

Услышав про бег, Шэнь Нянь тут же развернулся и прибавил шаг в сторону корпуса.

Лян Цю со смехом увязался следом:

— Эй, где справедливость?! Ты ещё «брат» не сказал, а ну стой!

Лян Цю шагнул за ним по пятам, совершенно не смотря по сторонам. Когда Шэнь Нянь неожиданно замер на месте, Лян Цю решил, что в том проснулась совесть. Закинув руку ему на плечо, он уже собирался подразнить его снова, но, подняв взгляд, увидел стоящего неподалёку Шэнь Чуншаня.

Тот, видимо, ждал уже довольно долго. Пронизывающий ветер обжёг его лицо докрасна, руки без перчаток посинели от холода. В руках он держал фирменный пакет одного из городских универмагов.

Шэнь Чуншань молча смотрел на сына. Не потому, что не знал, с чего начать, — просто за все годы, что они прожили под одной крышей, он, кажется, ни разу не видел, чтобы Шэнь Нянь так смеялся. Чуншань всегда считал его не по годам взрослым, сдержанным и рассудительным. Но только что, наблюдая, как мальчик подшучивает над другом, дурачится и беззаботно хохочет, он с внезапной пронзительностью осознал: этому «взрослому» ребёнку исполнилось всего четырнадцать.

Он слишком сильно его забросил.

Шэнь Нянь сделал шаг вперёд и остановился перед отцом:

— Папа.

За эти несколько шагов живой, озорной подросток бесследно исчез. Перед Шэнь Чуншанем снова стоял тот самый привычный, отстранённый сын. На душе у Чуншаня стало тоскливо, но он ничего не сказал. Лишь протянул пакет:

— Я сегодня по городу заказы развозил, никуда далеко не ездил, — заговорил Шэнь Чуншань.
— Проезжал мимо универмага, приглянулся этот пуховик. Подумал, тебе точно пойдёт.
Похолодало совсем, скоро снег повалит... Привёз вот, чтобы не простудился.

Шэнь Нянь не ожидал, что отец привезёт ему вещи. Прежде он никогда не испытывал подобной заботы, поэтому просто застыл в оцепенении, пока Лян Цю не подтолкнул его локтем. Лишь тогда Шэнь Нянь смущённо принял пакет:

— Спасибо, папа.

Шэнь Чуншань слабо улыбнулся:

— Да ну, за что спасибо, глупый. Главное, чтоб у тебя всё хорошо было. Если чего не хватает — набери, я привезу.

— Хорошо, — голос Шэнь Няня прозвучал глухо, но совсем не так, как когда он прятал подбородок в воротник.

Лян Цю бросил на него быстрый взгляд, но остался молчать.

— Охранник сказал, мне тут долго задерживаться нельзя, — пробормотал Шэнь Чуншань. — Ладно, я пойду. Ещё заказы развезти надо. А вы бегите, играйте, не теряйте время.

Прежде чем Шэнь Нянь успел что-либо ответить, Шэнь Чуншань развернулся и пошёл прочь, будто и впрямь куда-то спешил. Шэнь Нянь стоял на месте, провожая его взглядом. Отойдя на несколько шагов, Чуншань остановился и оглянулся:

— Сяо Нянь... Захочешь домой — возвращайся. Папа твоего любимого наготовит.

Порыв ветра заглушал слова, но Шэнь Нянь отчётливо всё услышал. Он не сказал ни «да», ни «нет», лишь тихо произнёс:

— Водите осторожнее.

Шэнь Чуншань улыбнулся и снова пошёл вперед. На этот раз он больше не оборачивался, и его фигура быстро скрылась за поворотом. Шэнь Нянь долго смотрел ему вслед, пока тот окончательно не исчез из виду.

Лян Цю внимательно наблюдал за другом. Шэнь Нянь шмыгнул носом и вновь спрятал подбородок в воротник, будто промёрз до самых костей.

Лян Цю подступил ближе, подхватил края куртки и натянул воротник повыше, закрывая уши Шэнь Няня:

— Только не говори мне, что ты растаял!

Шэнь Нянь поднял на него глаза и промолчал. Лян Цю сразу понял, что попал в точку. Внутри у него всё закипело от досады; он в сердцах взъерошил волосы Шэнь Няня и с досадой вылил всё, что думал:

— Ты хоть немного злопамятным быть умеешь?! Вспомни, как он с тобой поступал! Одна куртка — и ты уже куплен? Я против! Замёрзнешь — мои вещи носи. Посмотри вокруг: кому из интернатских родители по осени тёплые вещи не возят? С чего ты обязан всё прощать только потому, что он припёрся?! Раз уж съехали — всё, никакой дороги назад. Затоскуешь по дому — иди ко мне, мой дом всегда твоим будет!

Шэнь Нянь лишь слабо улыбнулся. Он не стал спорить, но и поддерживать Лян Цю не спешил.

Он, конечно, верил Лян Цю и знал, что тот говорит от чистого сердца. Вот только Лян Цю вряд ли понимал: считать чужой дом своим — задача почти невыполнимая. И дело даже не в дружбе — будь они хоть кровными родственниками, это ничего бы не изменило.

Для любой другой семьи Шэнь Нянь навсегда останется посторонним. Единственным местом, где он был не чужим, оставался дом Шэнь Чуншаня.

И всё же Шэнь Няню отчаянно хотелось иметь дом. Несмотря на всю боль и разочарование, он искренне жаждал обрести его — свой собственный, настоящий дом.

— Эй, Лян Цю, ты идёшь?! — донеслось с баскетбольной площадки. Ребята устали ждать.

— Сейчас буду! — отозвался Лян Цю, взмахнув рукой.

Шэнь Нянь посмотрел на него, но не успел произнести и слова, как Лян Цю со вздохом опередил его:

— Ладно, вижу, что тебе сейчас не до мяча. Дуй в класс, пока не окоченел. Но запомни: никаких прощений. Они этого не стоят.

Бросив эти слова, Лян Цю побежал к площадке. Шэнь Нянь стоял и смотрел, как тот включается в игру, а затем медленно поплёлся вверх по лестнице, не удержавшись от взгляда на пакет в своей руке.

Лян Цю был прав. Почти у всех ребят из общежития с наступлением холодов приезжали родители и привозили тёплые вещи. У Шэнь Няня такого не бывало никогда. Шэнь Чуншань впервые купил ему одежду, впервые приехал провести его в школе. Шэнь Нянь понимал, что для любого другого ученика это самое обыкновенное дело. Но сам он слишком долго замерзал. И теперь даже от крошечной капли тепла его сердце трепетало, а сам он готов был бережно прижимать её к груди, боясь выронить.

Ему и самому не хотелось выглядеть настолько жалким и изголодавшимся по ласке. Но он ничего не мог с собой поделать — ему этого действительно катастрофически не хватало.